

МБУК «Централизованная библиотечная система
Серовского городского округа»

АЛЬМАНАХ
интернет - конкурса
«СБЕРЕГИ»

Серов
2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Авдеев Г.3
Андреев А.3
Анчугин В.6
Бобылев Д.9
Бойков С.11
Бочин Я.13
Витюнин С.13
Гаврилова И.15
Галустова В.16
Голоскова Н.17
Дериземля Е.18
Дорохина А.24
Карачев Н.26
Катюргина Т.27
Кинякин С.27
Ларина М.30
Майборода Я.31
Перегримова Т.32
Петрова Г.33
Подзоров П.36
Попов В.37
Садовникова В.38
Соломина О.39
Угрюмова В.39
Фатеева О.42
Цедилкина Л.42

Георгий Авдеев (2003, г. Карпинск, Свердловская область)

Слезное утро

На день рождения друзья подарили Мише футбольный мяч. Горка подарков сразу выросла. Мяч лег на большую коробку конфет. После веселых забав все дружно уселись за стол, весело пили чай с бабушкиным клубничным вареньем и вкусным маминым тортом. Самый большой кусок, конечно же, достался сладкоежке Лешке, младшему брату именинника.

Гости разошлись по домам. Остался только Дениска, закадычный Мишкин приятель. Ребята жили по соседству и частенько засиживались друг у друга за компьютерными играми или интересной книгой. В этот раз оба уснули на диване, отодвинув подарки в сторону, не забыв попробовать по паре конфеток.

Миша проснулся первым и сразу заметил раскрытую коробку. Но конфет там не было. Ни одной! «Денька?!» - неприятно кольнула мысль при взгляде на шоколадный след на щеке сладко спавшего товарища. Но будить его не стал.

Когда ребята сели завтракать, мама сказала:

- Миш, ты бы нас угостил конфетами.

Мишка покраснел, косо взглянул на Дениса, занятого поеданием каши, и не вымолвил ни слова.

- Ну... если не хочешь, не надо, - растерялась мама, заметив, как у сына из глаз выкатились две крупные слезинки. - Мы и без конфет чайку попьем.

Она не могла догадаться, что сыну жалко вовсе не конфет, а что потерял друга.

И тут раздался настоящий рев.

- Это, это... Это... я... конфеты... съел. Я не хотел...

Теперь уж слезы градом сыпались в Лешкину тарелку.

- Простите меня, пожалуйста...

- Да не реви ты, Лешка! Это хорошо, что тайное стало явным так быстро, - сказал моментально повеселевший старший брат. - А ты прости меня, - прошептал он ничего не понимающему другу.

Анатолий Андреев (1958, г. Кушва, Свердловская область)

Стельки для Николая Рубцова

Я ехал поездом из Вологды, где был по редакционным делам. Моим соседом по купе оказался плотного телосложения пожилой мужчина. Как обычно бывает в дальней дороге, мы разговорились. Александр Иванович в отпуске гостил у двоюродного брата и заодно посетил родные места детства. Сентябрьское остывающее солнце опускалось за зелёную гребёнку дальнего леса, и наша неторопливая беседа текла под глуховатый перестук вагонных колёс. Узнав, что я человек пишущий, Александр Иванович живо заинтересовался моими работами и дальше разговор пошёл о литературе. Мой визави оказался довольно эрудированным собеседником, со своим основательным житейским взглядом на вещи. Вспомнили и знаменитого уроженца этих мест - поэта Николая Рубцова.

- А ты знаешь, я ведь встречался с ним! - огорошил меня Александр Иванович.

- Да Вы что?! - С удивлением воззрился я на него.

- Ну, тогда слушай, расскажу... В 1966 году мы с матерью жили в вологодской деревне Васильевка. Мне тогда было 10 лет. Как-то в середине января поздно вечером в дверь постучали. Мать была на работе в ночную смену. Она тогда работала в больнице в селе Демьяново, куда ходила за семь километров. Я открыл дверной крючок и увидел на пороге невысокого худого мужчину с поднятым воротником пальто.

- Здравствуйте. Переночевать не пустите? - попросил мужчина, поёживаясь от холода.
- Заходите, - пожал я в растерянности плечами.
Он снял драповое пальто, размотал длинный шарф и поместил на вешалке потёртую кроличью шапку.

- А ты что, дома один? - поинтересовался незнакомец.
- Да, мама на работе.

Он подошёл к печи, прислонил замёрзшие руки к источающим тепло кирпичам и прикрыл в умиротворении глаза. Я не знал, как вести себя в присутствии чужого человека, и, подумав, что он, наверное, голоден, предложил ему каши.

- Щи да каша - пища наша, - улыбнулся постоялец обветренными губами.

Я достал из русской печи нагретый чугунок, наложил в тарелку пшённой каши с топлёным маслом, поставил перед гостем. На горячей плите начинал фырчать чайник. Сам, чтобы не стеснять человека, присел у раскрытой книги. Нам тогда в школе задали выучить стихотворение Некрасова "Несжатая полоса".

- Спасибо, мил человек! Спас путника от голодной смерти, - поужинав, потрепал он меня по волосам. - Как хоть звать тебя, добрая душа?

- Саша.

- А меня Николай. Николай Рубцов.

Потом заглянул в мой учебник. «Поздняя осень. Грачи улетели...»

- Любишь, Саша, стихи?

- Не знаю...

- А давай я тебе своё прочитаю. Про зайца.

Заяц в лес бежал по лугу.

Я из лесу шел домой, —

Бедный заяц с перепугу

Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,

Но, конечно, в тот же миг

Поскакал в лесок сосновый,

Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго

С вечной дрожью в тишине

Думал где-нибудь под елкой

О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,

Что друзей-то у него

После дедушки Мазая

Не осталось никого.

Потом он прочитал мне стихотворение про воробья, про медведя.

Я сидел околдованный живой поэтической речью! И даже плакать захотелось от любви и жалости к этим зверушкам. А потом он прочёл стихотворение, в котором говорилось о деревне, о природе, о родине. Я до конца его не понял, но словно какой-то туман живой силы окутал меня.

Потом я постелил дяде Коле полушубок на лавке, и он там уснул. Я взял его валенки, чтобы поставить на печку посушиться, и сам тоже забрался туда. Я долго не мог уснуть, смотрел на него с печи. Настоящий живой поэт!.. Представьте, что видел в то послевоенное голодное время деревенский пацан в своей лесной глуши?!.. И так мне

хотелось сделать что-нибудь хорошее для этого усталого необычного человека! И тут я вспомнил, что валенки, которые я поставил на печку, дырявые на пятках - прохудились от времени. Я тихонько спустился по приставной лесенке, нашёл в чулане свои старые ненужные катанки, и большими ножницами, которыми мать резала тряпки на половики, по-детски, как умел, изготовил стельки. Поместил их в обувь дяде Коле и потом уже крепко уснул под лоскутным стеганым одеялом, разморённый, греющийся бока теплом печи.

Когда я утром проснулся, Рубцова уже не было. На столе лежал тетрадный листок с написанным моими чернилами текстом.

Тут Александр Иванович достал из внутреннего кармана пиджака портмоне. И передо мной на стол лег чуть пожелтевший по краям прямоугольник бумаги.

«Душевному человеку Александру на добрую память.

На полустанке

Вот и отходит морошка -
Скоро и первый мороз...
Смолк перелесок сторожко,
Слушая грохот колёс.

Миг... и проносятся мимо
Люди в вагонном стекле -
Силою неодолимой
Судьбы влечёт по земле...

Женщина в красной фуражке
Молча отправит состав,
Возле берёзы- двойняшки
Чуть постоит, повздыхав.

Шелест скрадёт понемножку
Эхо вагонных колёс.
Вот и отходит морошка,
Скоро и первый мороз...

Мне ли, наезжему гостю,
Близок обыденный вид -
Домик, поленница, осень...
Что ж так душа- то болит?

Словно из памяти кто-то
Тихо окликнул меня.
Мама?!

А это - природа,
Вечная наша земля.

Николай Рубцов
17 января 1966 г.»

Когда я закончил читать, Александр Иванович продолжил свой рассказ:

- Конечно я очень берёг этот автограф поэта. Но где-то в начале 70-х он у меня пропал. Представь, как я переживал!.. И вдруг, спустя сорок с лишним лет он нашёлся! А дело было так: мы с братом Виктором, от которого я еду, тогда в юности крепко поссорились. И он от обиды тюзнул у меня это стихотворение. А потом учеба, армия. После службы брат шоферил, женился, дети пошли, потом сел на три года - аварию совершил. В общем, закрутила жизнь, и не до стихов на листочке ему было. Сам уже не знал, где эта бумажка. А та злополучная ссора давно уже позабылась. И вот недавно его внучка перебирала книги в книжном шкафу и раскрыла старый потрёпанный том, а там между страницами - это стихотворение! Так, спустя много лет, послание поэта снова ко мне вернулось... Но, знаешь, я с тех детских лет навсегда полюбил его стихи, стал верным почитателем его творчества. Все его сборники перечитал, много книг и статей о его жизни. Но нигде, даже в трёхтомном собрании его сочинений, не попадалось мне это стихотворение. Вот такие дела...

Александр Иванович долго смотрел в тёмное вагонное стекло и, кажется, видел там не темноту ночи, а давние картины своего далёкого детства. Потом, словно почувствовав мой взгляд, так же не поворачивая головы, сказал:

- Анатолий, не проси... Этот документ дорог для меня как память. Вот помру - хоть в литфонд, хоть в музей поэта... А хочешь переписать - ради бога!

Пасмурным дождливым утром поезд прибыл на Ладожский вокзал Санкт-Петербурга. На перроне мы крепко пожали друг другу руки. И спина Александра Ивановича затерялась в людском потоке, движущемся к метро.

Вячеслав Анчугин (1974, пос. Пионерский, Ирбитский район)

В Михайловском

Теперь и не мечтать о том,
За два часа в такси,
Как в веке девятнадцатом –
Подводами тащись.
Дожди, поля унылые,
Все дальше южный край.
И сквозь туманы стылые
Умолк Бахчисарай.
Здесь рощи золотистые,
Как клетка без замка,
И душу рвет неистовый
Декабрьский закат.
Презрев надзор полиции,
Откроется ему:
Свобода есть в провинции
И сердцу, и уму.
Безмолвие безбрежное,
Заснеженность полей
Приняв как неизбежное,
Захочется скорей
Забыть про скуку тленную,
Давившую вчера,
Почувствовать вселенную
На кончике пера.

Золотое руно

Как здорово в детстве бежать босиком:
По левую руку – окраинный дом,
По правую – тянутся ввысь тополя,
И золото август вливает в поля.
Как здорово мчаться, как автомобиль,
И чувствовать пяткой горячую пыль,
И камешек острый, обиду и боль,
Все это в дорогу возьму я с собой.
В далеком краю, там, где спеет вино,
Хранится мое золотое руно.
Я правнук героев, я славный Ясон,
Мне снится так часто пленительный сон:
Волна ударяется в надпись «Арго»,
И меч золотой поражает врагов.
А детство проходит, и вот он – билет,
Чтоб смог я увидеть, каков белый свет.
И манит мечтою меня все равно
Мое золотое из детства руно.
Я спрашивал там, где успел побывать:
Скажите, а трудно руно добывать?
Я слушал молчанье на всех языках,
Я видел мозоли на старых руках,
Белесые шляпы, морщинки у глаз,
Детей фотокарточки в красных углах.
А где ваши дети? Исчезли давно,
И ищут, как ты, золотое руно.
Ты выпей, сынок, золотого вина,
Нет горечи слез, только сладость одна.
Живут виноградники нашим трудом,
К ним дети вернуться, ведь это их дом.
И снова дорога меня повела,
Сквозь годы и труд, от села до села.
Одним старикам я поправил забор,
Другим регулировал водный напор,
Сложил где-то печку и дров наколол,
Кому-то, как доктор, поставил укол.
И вместо оплаты просил об одном -
Прощения тем, кто ушел за руном.
Я понял однажды, проснувшись с утра, -
И мне возвратиться настала пора
Туда, где скучают ряды тополей,
Где морем волнуется спелость полей,
И лижет закат сквозь пустое окно
Мое золотое для сердца руно.

Гляжу в окно

Гляжу в окно, попиваю грог,
Клубится тьма, как июльский смог.
Внутри себя не включаю свет –

Лимит истек, и оплаты нет.
И с тем, что есть, доживаю год,
Читаю Маркеса и Гюго,
Рисую линии и круги
Поверх бороздок своей руки.
Пытаю Бродского: как ты смог
Вмагичить космос в изящный слог?
И как же так, что в моих словах
Растет пока только сор-трава?
В такой степи доживаю год,
Мне нужно кресло и нужен кот,
Немного горечи и тоски
И серый туф именной доски,
Немного слов и горячий грог,
Чтоб стиснуть мир до коротких строк.

А хочешь...

А хочешь в три ночи пиццу
С румяным бочком печеным?
А хочешь, поедем в Ниццу,
Запьем ее кофе черным.

А хочешь, все звезды в небе
Твое нарисуют имя?
Мы будем на теплом пледе
Всю ночь любоваться ими.

А хочешь, я буду Богом
И все же повешу полку,
Хотя там работы много,
И пыл пропадет без толку.

Пусть птицы желаний резво
Взлетают, покуда здесь я.
Ведь утром я стану трезвым,
А это – другая песня.

Ни о чем не жалею

Ни о чем не жалею в эту осень, не нужно печалиться.
Все, что летом цвело – прогорает пожухлой травой.
И ожог на земле – это вовсе не повод отчаяться,
Будет новая жизнь на куче золы дармовой.

Посмотри на закат, на холстине небес нарисованный,
И тихонько вздохни, поводя онемевшим плечом.
Ведь хрустальный ларец на дубу с твоим сердцем закованным -
Это просто сундук, открываемый чьим-то ключом.

Если хочется – пой, но не плачь, этих слез я не вынесу.
Что за странность: вода опалает не хуже огня.
Это осень сорвет на бегу надоевшую вывеску,

Снежной пеной листву по притихшим аллеям гоня.

Серебрится рассвет, и вторая подушка не тронута,
И никто не спешит это место уже занимать.
Ни о чем не жалею на краю белоснежного омута.
Это новая жизнь. Или, может быть, просто зима.

Возвращение

Нарисуй мне рассвет, обветшалый дощатый причал,
Невесомую тень кучевых облаков на воде.
Здесь кончается путь и рождается начало начал,
Здесь сегодня весна, и все яблони в белой фате.

Я стою постаревший на собственном крае земли,
Как однажды стоял по пришествии срока – любой,
И смотрю, как уходят по звездам мои корабли,
Нареченные мною как «Вера», «Надежда», «Любовь».
Я стремился сюда даже в миг, когда был увлечен
Суею городов, ощущая биенье в виске,
Для того, чтобы вспомнить, как детским ногам горячо
Оставлять невесомо следы на прибрежном песке.
Я бросаю слова, словно зерна; круги на воде
Разойдутся как эхо, баюкая серпик луны.
Мне за тысячу лет не вспахать этот звездный надел,
Ведь границы меж небом и морем – почти не видны.

Нарисуй мне рассвет и соленый дощатый причал,
А еще корабли, над которыми солнце встает...
Я вернулся сюда, где когда-то, в начале начал,
Я чертил на песке, как бессмертие, имя свое.

Дмитрий Бобылев (1987, г. Санкт-Петербург)

Мальчишка мчится с горки, лед не нужен –
Покорный склон торжественно блестит,
Размазались черемухи и лужи
Цветными полосами вдоль пути.

К чему зима, покуда он имеет
Большую жизнь, какой не донести
Ни дедушке на плотиках скамеек,
Ни даже привиденью во плоти!

Скрипит скамейка, улица пустеет,
Оставленную горку злой пацан
Штурмует краской, просто, без затей
Дописывая город до конца.

Темнеет, стонут буки под кроватью,
Струится взрослый страх от папирос.

Пьянчуги обнимаются, как братья...
Построившись для фото в полный рост,

Команда престарелых самураев
Сжимает императора в горсти,
Недвижные ботфорты протирая
До бронзы, до сиянья, до кости.

Ростовское

Как монетка с Ростовом, сияет полдневное солнце,
Так светло, что становятся листья белей.
В сигаретном ларьке продавщица считает червонцы,
Незловиво ворча на «повадившихся» голубей.

По дорожке – девчонка с большущим альбомом подмышкой,
На локте акварелью наплакала страстная кисть,
Шевелит ветерок креативную глупую стрижку,
И ростовские храмы с обложки с футболкой слились.

В этом месте, вспомнив о чем-то,
Продавщица сбилась со счета.
У нее огород, телевизор, палатка-тюрьма.
Смотрит девочке вслед – расплылись колера поворота -
И монетку с Ростовом кладет незаметно в карман.

В машине, пустой и холодной,
Всю ночь домовенок зяб.
В машине, злой и холодной -
И вышел бы, да нельзя
Оставить железный домик
Семи продувным ветрам.

К стеклу пристывает дворник.
Заморозки с утра.

Умирают по-птичьи, и навзничь лежат на брусчатке
Переставшие листья, прозрачные, будто насквозь
Не протоптаны, а – проросли: «на, прикладывай ватку,
И пройдет, и не будет уже ничего».

По брусчатке звенит полосато-оранжевый мальчик,
Держит за руку деда в одеждах фламандских слепцов.
У мальчонки лицо в шоколаде. Похожий на мячик,
Он смеется. У деда в морщинах лицо.

Добредешь до воды – узкой речки с нелепым названием,
Упорхнет вдруг летучая мышка – поди удержи!
Подплывет к тебе щука и спросит о главном желанье,
И заплачешь, и скажешь по-глупому:
- Жить.

Андрей Бойков (1973, г. Снежинск, Челябинская область)

Баллада о Галимьяне

*Памяти Гарифуллы Аминева и всем жителям села «Татарская Караболка»
в день памяти аварии на химкомбинате «Маяк», произошедшей 29 сентября 1957 года*

Закружило вороньё
Над Россией.
Затмевает вороньё
Небо синее.
Сквозь кладбищенский бурьян,
Меж погостами
Ходит старый Галимьян
Тяжкой поступью.
– Что ж ты ходишь, Галимьян,
Неприкаянный?
Что молчишь ты, Галимьян,
Будто каменный?
Что ж ты стонешь, Галимьян,
Будто страждущий?
Расскажи, зачем пришёл
Ты на кладбище...

– Был я молод, жил без бед –
В пятьдесят седьмом.
Да пролёт от взрыва след
Над моим селом.
В муках дрогнула земля –
Негде спрятаться...
Выпадала на поля
Радиация.
Было мне семнадцать лет
В пятьдесят седьмом...
Засыпать смертельный след
Шли мы всем селом.
Разве знали мы тогда,
Люди бедные,
Про учёные дела,
Про секретные?
Всем селением хворать,
Стали дружно мы.
Заболел отец мой, мать
Занедужила...
Призвала в военкомат
Служба ратная –
Не берут меня, твердят:
«Здесь война твоя!»
Не виню Россию-мать,
Что в закатной мгле
Довелось мне воевать
На родной земле.

А виню я нашу власть –
В этой осени –
Что использовали нас...
Да и бросили.
Стали сеять мы, рожать
С болью нашею.
Стали дети умирать
Смертью страшною.
Кто солдатиков считал
В сельской местности?
Кто-то орден, кто медаль...
Кто-то без вести.
Вот уж нету той страны...
(Все захлопали!)
Вот почти уже равны
Мы с Европою.
Рассказали нам тотчас
Про реакторы.
Записали даже нас
В ликвидаторы.
Объяснили нам насчёт
Облучения,
Предложили список льгот
Для лечения!
В первый раз к нам отнеслись
По-хорошему!
Неужели, дождались –
Те, кто дожили?
Но... уж новые идут
К нам чиновники.
Смотрят – будто все мы тут
Уголовники!
Я про взрыв им, про болезнь –
Про аварию.
А они: «Ты ж был не здесь.
Ты был... в армии!»
Нет, ты не был здесь в тот год
Сотоварищи.
Не глотал ты стронций-йод
На пожарище!
Так, от игр своих устав
От ораторских,
Нас в судах лишали прав
Ликвидаторских...
И теперь среди могил
Я один стою.
Всех детишек схоронил
И жену свою.
И живу теперь во мгле,
Насмерть раненный:
Нету правды на земле...
Может, на небе?

...Сквозь кладбищенский бурьян,
Меж погостами
Уж не ходит Галимьян
Тяжкой поступью.
Уж не стонет он во мгле,
Будто раненый.
На берёзе он. В петле.
В общем – на небе...

Ярослав Бочин (2002, г. Краснотурьинск, Свердловская область)

Осеннее настроение

Снова осень, снова школа.
Листья желтые кружат.
Может, где-то шапки снега
Белого уже лежат.
А за это лето
Много было света,
Много было радости,
Много было грёз...
А теперь уж школа,
Всё теперь всерьез.

Сергей Витюнин (1956, пос. Баранчинский)

Остановите время...

Остановите время, это просто -
Часов песочных колбу поверните,
И малый миг безвременья возникнет,
Пульсируя, как сердце на ладони,
Стремясь сорваться в неуёмный бег.
И между двух ударов - " до " и " после "
Увидится, что было скрыто раньше
За кронами дерев, за горизонтом,
За пылью лет и дел, давно минувших,
Возможно, вы тогда и разберётесь,
Зачем же это было вам дано.
Или иначе можно всё проделать:
Достать и высыпать все фото из альбомов,
И, стоя по колено в " унибrome ",
Случайный поднимать " кусочек жизни ",
И в память погружаться с головой...

Дождь растёкся...

Дождь растёкся слёзной лужей,
С мостовой столкнувшись лбами.
Кепку натянув поглубже,
Шляюсь мокрыми дворами
Или за стеклом оконным

Наблюдаю луж кипенье
Под напевом монотонным
Непрерывного движенья.
Солнцу рад солнцепоклонник,
Слёз своих не вытирая,
Над костром огнепоклонник
Пляшет, руки простирая,
Ну, а я к дождю прикован,
Капли - гвозди бьют по коже,
По плечам, ботинкам новым,
По давно небритой роже.
Это что за блажь такая -
Под дождём бродить сутулясь,
Одиночеством пугая
Пустоту промокших улиц?
Есть какая - то потребность:
Вымыть, но не столько тело,
Сколько чувств и мыслей серость,
Что занозою засела.
Плети струй, кнутом взлетая,
По душе скулящей ходят,
И - избитая, нагая,
Себе места не находит,
И спасенья ищет в прошлом,
В детстве добром, позабытом;
Было всё тогда возможным
И доверчиво открытым.

Под тиканье часов...

Под тиканье часов ночной порой,
Под монотонность капелек на кухне
И под моторное урчанье за стеной
Мысль не сорвётся в прошлое, не ухнет,
А потечёт ленивым ручейком
Перебирать дневные передраги
И заносить их памяти песком,
Как снегом заметает след бродяги;
Повиснет камень, брошенный вослед
И, силу потеряв, скользнёт под ноги;
Урок от жизни - не вскипать в ответ
Визгливостью задетой недотроги.
Слов почему - то меньше. Больше дел,
Которым никогда уже не сбывься,
И если что - то, где - то проглядел -
Прими как данность, не пытаясь злиться.
Что это? Мудрость, старость или лень?
Лишь две весны, а там седьмой десяток...
Ночь тает и приносит новый день.
Куда его? В убыток иль в достаток?

На распродаже

Осень - капризная дама с Камчатки
К нам прилетела примерить перчатки...
Жёлтые с веток снимала и красные,
Но не смогла подобрать, всё напрасно,
Ветру в плечо горько вдруг разрыдалась -
Вновь голорукою в зиму осталась...
Тот ей в подол кинул яблоко спелое:
- Жди, принесу тебе варежки белые.

Ирина Гаврилова (1943, г. Краснотурьинск, Свердловская область)

Прекраснейшее место на Земле (отрывок из очерка)

*Во глубине глубин сердечных
Я сокровенное храню.
Оно из мигов скоротечных
Ткёт жизнь прошедшую мою.*

Давно нет деревни Макарьевки, где прошло моё детство. Но некоторые обычаи хранятся в моей памяти.

Помочь

Вот один из обычаев – помочь. Именно помочь, а не помощь, хотя смысл одинаковый. Помочи чаще устраивали семьи, где не было мужчин. Собирались несколько домов-семей и по очереди ходили, например, копать огород.

За вечер общими усилиями огород вскопан. Домой возвращались с лопатами на плечах и с песнями... Хозяева угощали. Была и у нас как-то помочь. Мама была после родов, отец сломал ногу, а огород копать надо. Собрались односельчане и помогли.

Звали на помочь и на сенокос, и на заготовку дров на зиму. Работали весело, с шуткой метали зароды сена, заполняли повети, складывали поленницы дров. И мы, мелкота, крутились тут же, пытались чем-то помочь.

А если задуматься, прекрасный обычай. Он не позволял оставлять человека в беде, поддерживал в трудную минуту, учил платить добром за добро. И был примером для воспитания детей.

На зубок

И ещё такой обычай: приносили шаньгу (открытый пирог с начинкой из варенья и украшенный узором из конфет «горошек-драже») «на зубок» новорожденному. Поздравляли соседи, родные, знакомые. Желали, чтоб зубок у ребёнка быстрее прорезался. Устраивались общие чаепития, желали здоровья новорожденному и роженице.

У нас семья была большая, и мы всегда ждали, если появлялся маленький, когда к нам придут с «зубком». Иногда целую неделю «шли» «зубки». То Еремеевы, то Козловских, то Ворожевы с «зубком» идут. А нам радость и угощение. Приходилось и нам украшать для новорожденных у соседей и знакомых «зубки», которые уносила мама.

Барабушка

Летними вечерами за рекой играет гармонь. Молодежь тянется на её голос. И мы, мелкота, бежим посмотреть и послушать барабушку.

Барабушка – это многофигурная общая пляска-хоровод с частушками. Сестры Шура с Ниной знали все фигуры барабушки и плясали, частушки пели. У них получалось звонко, с притяжкой, по-деревенски.

Молодёжь собиралась у дома гармониста на лавочках, на брёвнышках. Этот дом можно было узнать по вытопанной от барабушки траве у ворот.

Помню Нину, стройная, красивая, в платье с рукавом «фонарик», на ногах «венгерки». Она выделялась на танцах. Красавица! А иначе быть не могло – старшая сестра!

Наплясавшись, шли по деревне с гармошкой, с частушками, провожая друг друга. Никакие комары и мошки не помеха!

Праздники

Несмотря на бедность, для детей устраивали праздники. Особенно помню новогодние праздники в школе с подарками. Ходили на ёлки по приглашению к соседям. Приглашали и к себе, когда отец ставил ёлку. Составляли список приглашённых и каждому готовили кулёчек-подарочек.

Всплывают в памяти картинки подготовки к Пасхе и Рождеству. Старались сделать побелку в доме, вырезать новые бумажные салфетки и цветы на божницу. Мама пекла куличи, красила луковой шелухой яйца, пекла пироги, шаньги. Нам надевались какие-то обновки. В доме пахло праздником!

Быт избы

Запомнился наш деревенский дом – изба. Сени, чулан, амбарушка, двор с настилом. А в доме русская печь. Тёплая, занимающая много места – госпожа в доме! У печи ухваты, клюка, чугульки, крынки, самовар.

Прибежишь домой с мороза – и на тёплую печь. Или на гопчик (встроенная в печь лавка) усядешься, а спиной – к печке! Утром с полатей тёплые валенки – на ноги, тёплые варежки из печурки – на руки, и опять мороз не страшен.

У печки же люлька-зыбка висит на крюке, вбитом в матицу. Ребёнок рядом с тёплой печью и матерью.

За лето, что выросло на огороде, всё в голбце (подполье) хранится. Если корова во дворе, то и молочко, сметана, простокваша в залавке.

Валентина Галустова (1945, г. Серов, Свердловская область)

Весть

Ты шальная, заблудшая птица!
Не стучи ты в мое окно.
Помню мамы и папы лица,
Хоть ушли в мир иной давно.
Не стучи и беду не кликай.
Сколько было их? Горе велико.
Сделай милость, меня спаси,
На крылах мою боль унеси.
Я боюсь предвещающих стуков.
Птицу ты от окна отгони.
Мой очаг и детей, моих внуков
Ты, Всевышний господь, сохрани!

Себя не потерять

Как мне себя не потерять?
Доверья к людям не утратить?
Что дальше? Если б только знать
И нервы попусту не тратить,
И силы так распределить,
Чтобы на все меня хватило;
Детей любовью наделить,
Чтоб жизнь звездой им светила.
А кто захочет зла – пускай
Ему все тем же обернется.
Пусть минет черная тоска
И в дом ко мне не закрадется.

Надежда Голоскова (1958, г. Серов, Свердловская область)

Голубь

*«Мирный, невластный и нежный характер, который приписывают голубю .
сделал его воплощением мягкости и любви, а также олицетворением пугливости и
болтливости».*

Из книги символов

У них было одно имя, поэтому открытки и письма они подписывали «Жени».

В начале девяностых стаж их семейной жизни приближался к полувековому, с учётом времени, приходящем на их военно-полевой роман. Тогда он был командиром медсанбата, молодым врачом-хирургом, получившим диплом перед самой войной, а она - двадцатилетней операционной сестрой.

Он называл её Женечка, она его – Евгеша, иногда «Птичкий папа». Любовь к пернатым и ко всем животным передалась ему с генами от его мамы Надежды Николаевны.

Городские голуби, как по расписанию, в три часа дня прилетали на карниз их окна и с нетерпением ждали крошек от «птичкиного папы». Однажды в осенний день Жени увидели изможденного, истощенного голубя, сидевшего на карнизе. Сейчас в нем было трудно узнать самого сильного и наглого голубя – вожака дворовой голубиной стаи. Он умирал от голода, так как нижняя часть клюва у него была сломана, и пищу клевать он не мог. Ему пришлось довериться рукам бывшего военного хирурга. Операция прошла успешно, правда, клюв пришлось укоротить. С этого дня Гуля, так его будут теперь звать, лишился возможности клевать самостоятельно, а пищу будет принимать только с рук человека. Спаситель и спасенный теперь каждый день, в любую погоду, в течение нескольких лет, в одно и то же время будут встречаться через открытое окно. Благодаря ежедневной заботе вскоре возвращённый к жизни, Гуля снова превратился в красавца – голубя с переливающимися на солнце перышками.

На крошки, которые сыпались с карниза на землю во время ежедневной трапезы, слетались голуби с ближайших дворов, был среди них забияка и драчун - главный соперник спасенного Гули. Однажды и этот забияка оказался в беде – запутался в нитях, которые мальчишки натянули по земле, и повредил лапку. И ему на помощь пришел «птичкин папа», освободив из запутанных нитей, не забыв после этого полечить больную лапку. Что произошло потом... не знаю, какое верно подобрать слово... сработало одно из чувств, присущих, наверно, только человеку – ревность, обида, разочарование. Когда Гуля

увидел, что его закоренелый враг находится в заботливых руках его друга – спасителя, он встрепенулся, громко захлопал крыльями и устремился вверх, как реактивный. Потом превратился в неуловимое пятнышко на облаках и исчез, как позже оказалось, навсегда. Больше он не прилетал...

На востоке существует поверье, что птицы не улетают грустить, так как награждены вечной свободой. Когда они в чем-то разочарованы, то надолго улетают в небо... Чем выше, тем лучше... Летят с уверенностью в том, что под порывами ветра высохнут слёзы..

Евгения Дериземля (1984, г. Кременчуг, Полтавская область, Украина)

Солнцеворот, или Однажды на Купала

"Тук-тук-тук" — послышался тихий стук в окошко. Любава открыла глаза. В комнате было темно, хоть глаз выколи, ничего не видать. "Почудилось!" — решила девушка.

Она натянула на себя съехавшее на пол покрывало, перевернулась на правый бок и закрыла глаза, пытаясь вернуться в сладкий сон. Ведь именно там, в ночном видении, сбывалась самая заветная мечта молодой казачки. Люба видела себя посреди большого дома, не мазаного, как тот, в котором она с родителями живёт, а каменного, с высокими светлыми окнами да с расписными ставнями. И в доме этом она не гостья, а полноправная хозяйка, и не девка на выданье, а мужняя жена. А муж у неё не простой селянин и не лихой казак, а самый настоящий пан - красивый, молодой. А не старый, как местный богатеи Архип Петрович, который давеча сватов к ней засылал. Так с него песок сыплется, ему уж почитай пятый десяток пошел, а он всё туда же, что называется «седина в бороду, бес в ребро». Нет, чтоб нашел себе вдовицу какую своих годов, а ему молоденьких подавай. "У-у-у, гриб старый!" Но сейчас мысли о постылом женихе Любаву не беспокоили. Девушка была по-настоящему счастлива, хоть счастье это было всего лишь во сне. Прекрасный юноша улыбался Любаше своей лучезарной улыбкой, глядя ей прямо в глаза.

— Люблю! — прошептала молодая казачка.

А в ответ суженный произнес голосом подруги Галины:

— Любань, ты чего? Спишь, что ли? Вставай, а то ведь скоро светать будет!

Люба резко села на кровати. Сновидение развеялось, словно дым. Она глянула на окно и отодвинула занавеску. За стеклом появилось круглое курносое лицо Гали.

— Да иду я! — Любава махнула подруге рукой. — Ишь, расшумелась. Сейчас весь дом на ноги поднимешь! — девушка лениво зевнула. — Обожди, платок только накинута.

Тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить домочадцев, девица проскользнула через светёлку и с лёгким скрипом открыла входную дверь.

— Ну ты, подруга, и спишь! — услышала она недовольный голос Гали. — Я уж битый час до тебя достучаться не могу, — Галина нахмурила редкие русые брови. Она быстрым движением схватила заспанную Любу за руку. — Рассвет скоро! Побежали скорее, а то не поспеем.

Любаша глянула на горизонт. Действительно, там, вдалеке, показалась светлая полоса. Ещё чуть-чуть, и солнышко взойдёт на летнем небосклоне. Девушки не сговариваясь, опростель, чтобы не пропустить первых солнечных лучей, бросились в поле. Уже совсем скоро босые ноги Любавы ступили на влажную траву. Небо зардело в лучах восходящего солнца. На хуторе закричали петухи. Подруги улыбнувшись встали на колени и начали быстро собирать ладонями утреннюю росу. Любаша с трепетом в сердце натирала живительной влагой румяные щеки. Пухлые алые губы шептали, словно

заклинание:

— Умывайся мое личико бело, румяно, всем молодцам приглядно!

Галина, глядя на рвение, с которым подружка произносит заветные слова, расхохоталась.

— Интересно, о каких это молодцах ты мечтаешь, Любань? — она пристально посмотрела в большие серые глаза Любавы. — Ты ж уже почитай, что замужем!

Галя, не останавливаясь ни на минуту, втирала в полные руки капли росы.

— Ну, это бабка надвое сказала! — Люба лукаво подмигнула собеседнице.

— То есть как это? — Галина вытаращила на подругу и без того выпученные глаза.

— Ты что же это, Архипу Петровичу отворот поворот дала? — казачка ахнула. "Да как же такое возможно — большому пану отказать?"

В ответ Любаша тяжело вздохнула.

— Родители согласие дали! — грустно сказала она.

По всему было видно, что девушка очень несчастна, ведь мечтала она по любви замуж выйти.

— Ну-у-у! - медленно протянула Галя. — Раз согласие дали, то, стало быть, скоро свадьба. Что ж ты тогда не весела? — Галина закончила обтираться утренней влагой и поднялась с колен.

Она поправила немного растрепавшиеся от летнего ветерка волосы.

— А с чего мне веселиться? — Любаша следом за подругой встала с земли и оттряхнула от грязи влажный подол юбки. — Архип Петрович — старик!

— Ну и что? — махнула рукой Галя. — Зато богатый!

Увидев в глазах подруги печаль, девушка продолжила весёлым голосом:

— Знаешь, как в народе говорят: старый конь борозды не испортит!

Она вытащила из-за пояса припрятанную склянку, нагнулась к траве и стала собирать капли в небольшой сосуд, чтобы все углы дома опрыскать купальской росой от нечистой силы.

— Так то конь не испортит, — брезгливо наморщила маленький носик Любава, вспомнив толстого и вечно потного жениха. — А Архип Петрович уже и не конь вовсе, а мерин!

Девчата весело рассмеялись. Они начали шумно бегать по полю, собирая травы и цветы для венков. Набрав целые охапки разной муравы, подружки устроились на зелёной полянке и завели длинную песню: "Несёт Галя воду, коромысло гнётся..." — звучали женские мелодичные голоса.

Девичьи руки ловко переплетали душистые пахучие стебли в большие пышные венки. Вдруг Галя прервала затянувшуюся песнь и подала Любаве пучок полыни:

— На! Вплети в венок.

Люба насупила чёрные изогнутые коромыслицами брови. Ей казалось, что горькая полынь будет лишней среди ромашек, васильков и других ярких цветов, но подруга настойчиво протягивала пучок.

— Бери, не упрямясь! Полынь — лучшее средство от русалок и ведьм! — поучительным тоном заявила она. — И ещё возьми! — казачка протянула пухлой рукой белый цветок. — Купаву обязательно вплести нужно.

Любаша нехотя взяла растения из рук собеседницы и продолжила прерванную песню. "Галя, моя Галя, дай воды напиться..." — звонко разносился по полю девичий голосок.

— Что, девчата, веночки плетёте? — хриловатый старческий голос перебил весёлую песню.

Подружки вздрогнули от неожиданности.

Они так увлечённо занимались своим делом, что и не заметили приблизившуюся к ним невысокую худую фигуру в чёрном.

— А-а-а, это вы, бабка Серафима! — Галина всё ещё держалась за высоко вздымающуюся от испуга грудь. — Фу, напужали. Вам бы, ей Богу, колокольчик на шею

носить! — девушка с интересом посмотрела на полную корзину цветов и трав в руках старушки. — А что это вы, бабушка, на рассвете за травами вышли?

Галя удивлённо рассматривала содержимое лукошка.

— Странно, — подумала она. — Почему это бабка Серафима спозаранку за цветами пошла, ведь все знают, что чудодейственные и целебные травы растут в ночь на Ивана Купала. Ну не веночек же она себе плести будет! Ей-то уж без надобности. В таком возрасте о душе думают, а не о женихах.

Старуха улыбнулась девчатам, обнажив свои желтые зубы.

— Дура ты, девка, — сказала баба Сима. — Коса у тебя длинна, а ум короток!

Любава хохотнула, глядя на длинную русую косу подруги. А старуха продолжила поучительным тоном:

— Не только в эту ночь, когда наступает летний солнцеворот и природа достигает своего наивысшего расцвета, нужно растения собирать. Часть трав и цветов собирают днём, — бабка подняла кривой указательный палец вверх, — часть — ночью, а некоторые — только на утренней заре, приговаривая "Земля-мать, благослови меня травы брать, и трава мне мать!".

Серафима славилась на хуторе тем, что была травницей. Про многое старушка ведала и людям всегда помогала, варила разные снадобья и зелья от различных хворей. Девушки очень внимательно слушали ведунью, не сводя с неё глаз. "А вдруг что интересное расскажет!" Не зря слушали. Баба Сима как закончила про целебные травы рассказывать, начала про Иванов день разговор вести.

— Это правильно, девчата, что венки вы плетете, — с любопытством разглядывала старушка работу подруг. — Хороший веночек у тебя, Любаша, получился! — причмокнула травница тонкими губами. — Ладный! На вечерней заре пустишь его на воду и судьбу свою узнаешь, — старица лукаво подмигнула Любаве.

— Ну, про то, что сегодня гадать нужно, мы и так знаем, — прервала бабку Серафиму Галя.

Девушка надела свой веночек на голову и весело улыбнулась.

— Вы, баба Сима, лучше расскажите нам про папороть, — Галя пристально посмотрела в чёрные, как ночь, глаза ведуньи. — Правда, что папороть любое желание того, кто ее цвет найдет, исполнит? — глаза девушки заблестели.

— Правда! — бабка Серафима тяжело опустила на траву возле казачек. — Да только цветёт она одно мгновенье, и за это самое мгновенье её нужно успеть сорвать.

Любава ахнула:

— А как же узнать, где она зацветёт?

Девушка заёрзала на траве, с нетерпением дожидаясь ответа. Старица обернулась к Любаше и погладила её по тёмным, заплетённым в длинную косу волосам.

— А кто очень сильно захочет, милая, тот обязательно найдет, и исполнит тогда цветочек волшебный его самое заветное желание! — бабушка медленно поднялась с земли и уж было собралась идти прочь, да остановилась. Она обернулась к Любе и произнесла загадочным голосом, видать, жаль ей стало молодую казачку:

— Сегодня ночь не простая. В эту ночь растения и животные наделяются особым даром — начинают разговаривать.

Ведунья запнулась на полуслове, словно собираясь с мыслями. Немного помолчав, она продолжила:

— Так вот, Любаша, тот, кто слушать умеет, тот узнает, где папороть зацветёт!

Молвила и ушла, а девки, раскрыв рты от удивления, долго ещё смотрели вслед удаляющейся травнице, пока та не скрылась за зелёным большим холмом. Любана задумалась.

— Вот бы хорошо было цветочек этот найти, — размечталась она. — Тогда бы не пришлось замуж за Архипа Петровича идти.

Казачка улыбнулась своим мыслям, вспомнив сладкий сон. "А ведь правда, если

цвет папоротника сыскать, тогда ночное видение явью станет!"

— Любань, — голос Галины прозвучал над самым ухом Любы и вывел девушку из оцепенения, — о чем думаешь?

Любава взглянула на подругу из-под густых чёрных ресниц, не спеша дать ей ответ.

— Или ты в бабкины сказки поверила? — Галя хихикнула.

Она поднялась с травы и махнула рукой.

— Брехня всё это! — хмыкнула девка. — Да где ж такое видано, чтобы звери и цветы разговаривали? — девушка прыснула со смеху. Она подала руку Любаве и помогла ей встать с земли. — Вот я представила себе, как пойду вечером в сарай, корову доить, а она мне скажет человеческим голосом: "Галя, ты дура, что ли? Все девки не речке венки пускают, а ты меня за вымя тянешь?"

Подруги весело рассмеялись и бросились наперегонки к берегу небольшой реки.

— Бежим скорее, — обернувшись на ходу, звонко прокричала Галя. — Там, на бережку, девки поди уж собралась! — она схватила Любаву за руку, чтобы та не отставала и потянула за собой.

Ещё мгновение и запыхавшиеся от бега казачки выбежали к лениво текущей по широким просторам речке. Галина махнула рукой, указывая на березу, возле которой собралась местные девицы:

— Смотри, они уже и куклу из соломы делают!

Девушки бросились со всех ног к своим подругам, чтобы не пропустить всего веселья.

— О-о-о! — увидав Любаву с Галей, весело протянула Мотря. — Наконец-то! А мы вас уж заждались! — казачка быстро приблизилась к пришедшим и показала маленьким розовым пальчиком на соломенное чучело. — Мы уж и Марену делать начали, — она поманила Любашу за собой. — Пойдем, поможешь нашу Мару нарядить!

Девчата стали шумно разбирать прихваченную из дому одежду. Кто юбку принес, кто сорочку. Люба сняла с плеч цветастый платок. Кукла вышла на славу, просто загляденье.

— А я монисто прихватила! — Галя приблизилась к наряженному чучелу древнеславянской богини и надела ей на соломенную шею красные бусы. — Ладно получилось!

Полюбовавшись своей работой, подруги посадили Марену под дерево, а сами устроились на полянке в тени раскидистой берёзы и завели веселую песню:

"Мы завьём веночки
на годы добрые,
на жито густое,
на ячмень колосистый,
на овёс росистый,
на гречиху чёрную,
на капусту белую."

Долго разносилась по берегам реки задорная песня. Так, в весёлой суматохе, пролетел весь день. Уж и вечереть начало. Девушки стали накрывать столы и собирать праздничную вечерю. Сельские хлопцы появились на широком берегу. Парни разводили костры, готовясь к вечерним забавам. Столы ломились от принесённой снеди. Хоть Иванов день и припадал на Петров пост, но всё же сумели местные бабы в это постное время так блюда приготовить, что только диву даёшься. Тут были блины на маковом масле, вареники, начинённые толчёным конопляным семенем и луком, кисели овсяные с медовой сытой, грузди солёные, пироги с гречневой кашей. Вот и Никитична показалась, держа в руках полные тарелки оладьев с мёдом и левашников с малиновым вареньем. Любава вместе со всеми носила вкусные наедки. Девушка стояла возле накрытого стола и думала, куда бы поставить дыню в патоке. Как вдруг...

— Смотри, сочные кулебяки несут! — услышала Люба прямо над головой. Казачка оглянулась. Рядом не было ни души, только подруга Мотря приближалась к праздничному столу, держа в руках поднос с кулебякой. Любава удивлённо приподняла брови, тщетно пытаясь понять, кто говорил.

— Как пахнет! — вновь послышался непонятный разговор. — Вот бы кусочек пирога с квашеной капустой.

Любаша медленно приблизилась к высокой берёзе и взглянула наверх, ведь именно оттуда, с пышной кроны дерева, доносились странные звуки. Девушка замерла от увиденного. Там, на верхней ветке, сидела сорока. Птица в нетерпении переминалась с лапки на лапку, рассматривая накрытые столы. Любава улыбнулась. "А ведь права была баба Серафима!" — вспомнила девка слова травницы о том, что все живое в эту ночь разговаривать начинает.

— Да, люди гуляют! — послышался второй голосок. Рядом с сорокой, откуда ни возьмись, появился маленький взъерошенный воробей. — Сейчас через костры прыгать будут, да венки на воду пускать, а потом в лес, за папоротником отправятся!

Сорока хохотнула:

— Пусть идут, всё равно не сыщут!

Воробей перелетел на соседнюю ветку и наохлился от вечерней прохлады:

— Кто не знает, где папороть зацветёт, нипочем цветок волшебный не сыщёт!

— А где в этом году цветок появится? Не знаешь, кум? — сорока перелетела на ветку к своему собеседнику.

Любаша замерла, боясь даже дышать, ведь именно сейчас она сможет узнать большую тайну. Казачка прислонилась к белому стволу и напряжённо вслушивалась в чужой разговор. Воробей помолчал немного, но всё же ответил:

— Про это только старый дуб знает. Тот, что на краю леса растёт.

Любаша хорошо понимала, про какое дерево птицы толкуют, ведь во всей округе был только один столетний дуб.

— Так вот, — продолжил свой рассказ маленький болтун, — куда в полночь дуб пойдёт, там и зацветёт папоротник.

Люба так увлечённо подслушивала, что и не заметила, как к ней подошла Галя.

— Ты что делаешь, подруга?

Громкий голос Галины спугнул разговаривающих. Птицы встрепенулись и взмыли ввысь. Любава, погруженная в свои мысли, вздрогнула. Она посмотрела на горящие ярким пламенем костры на поляне.

— Пойдём, Галя! — весело сказала казачка. — Там уже девки Марену на воду пускают!

Галина повернула голову в сторону струящейся реки. Там, возле воды, собрались девчата.

— Побежали скорее! — Любава потянула подругу за собой. — Сейчас гадать будем!

Казачки пробежали мимо молодых парней, стоящих возле полыхающего огня и наблюдавших за девичьими забавами. Издревле Купала считался праздником девушек, поэтому мужчины только присутствовали, но в хороводах, танцах и песнях практически не участвовали. Ребята дожидались, пока молодницы пустят венки на воду и пойдут прыгать через купальский костер, вот тут-то веселье и начнётся.

Девицы, расспрашивая воду о своей грядущей судьбе, пускали веночки вслед за Марой. Горящие свечи на венках озарили тёмную реку своим пламенем. Казачки загадывали: чья свеча раньше потухнет, та раньше умрет. Девушки, затаив дыхание, наблюдали за яркими, удаляющимися от берега огоньками.

— Вон, смотрите, — зашумели девки, — Любашин веночек впереди всех плывет! — они окружили Любу и весело затрещали. — Стало быть, тебе, Любаня, первой замуж

идти.

Стайка девушек со смехом выбежала к купальскому костру.

— Ну что, девчата, — раскрасневшаяся от смеха Мотря поманила подруг за собой, — айда через огонь прыгать!

Казачки разбились парами с заскучавшими было юношами и по очереди, с разбегу, стали прыгать через высокий костёр. Люба осталась в сторонке наблюдать за происходящим действием, ведь пары среди молодых хлопцев у неё не было. К жаркому, искрящемуся пламени одна за другой приближались, держась за руки, влюбленные парочки.

— Эх, не быть Марфуше со Степаном, — услышала позади себя Любава голос старушки Серафимы. — Видишь, Люба, руки у них над костром разошлись, — указала бабушка в сторону прыгающих, — стало быть, не её это судьба.

Любаня, увидев травницу обрадовалась. Захотелось девке с ведуньей услышанной от птиц тайной поделиться.

— А я, баба Сима, сегодня разговор сороки с воробьём слышала! — девушка взглянула на бабу Серафиму, словно ожидая совета.

Старушка ласково обняла Любаву за плечи и, словно зная, о чем казачка хотела рассказать, молвила:

— Так чего же ты, дорогая, ждёшь? Уж полночь близится! — бабушка указала рукой на яркий месяц. — Непусти счастье своё, коли за старика замуж не хочешь!

Любава долго не раздумывала. Она подняла глаза на звёздное небо, затем перевела взгляд на праздничные игрища и потихоньку, чтобы никто не заметил, побежала к старому дубу. Любаша то и дело робко оборачивалась на ходу. Позади остался яркий костер и шумная толпа. Девки с хлопцами, напрыгавшись через купальский огонь, с развесёлыми песнями двинулись в лес на поиски папоротника. Всем хотелось цветов волшебный найти, да только кроме Любы никто не знал, как его отыскать. На землю спустилась ночная прохлада. Молодая казачка зябко обхватила себя руками за плечи. Прошло совсем немного времени, и в тусклом лунном свете показалась огромная тень.

— Наконец-то, — тихонько прошептала Любава.

Она с замиранием сердца приблизилась к старому, ветвистому дубу. Вдруг раздался сильный треск. Дерево встрепенулось, в ночное небо поднялась стая чёрных ворон. С громким карканьем птицы разлетелись в разные стороны. Молодая казачка застыла на месте от увиденного, дрожь пробежала по стройному девичьему телу. Неповоротливый гигант вышел корнями из-под земли и зашагал вглубь леса, скрипя и покачиваясь, только щепки разлетались в разные стороны. Любаша, раскрыв рот от удивления, двинулась следом за удаляющимся деревом. Она осторожно ступала по извилистой лесной тропинке, стараясь оставаться незамеченной. Сердце бешено стучало, словно пытаясь вырваться из груди. Прежде чем углубиться в тёмную чащу, девушка мелко перекрестилась и сорвала пучок полыни, растущий возле её ног. "Полынь — лучшее средство от русалок и ведьм!" — вспомнила Любава наставление подруги. Сжав в кулачке пучок горькой травы, она быстро двинулась дальше, на душе стало полегче.

— Пусть уберезет меня полынь от нечистой силы! — храбрясь молвила Любаша, ступая по холодной земле. Кусты и ветки хватили девушку за юбку и за косу, пытаясь ей помешать, но она не останавливалась. Вдруг в лунном свете по левую сторону от тропинки, по которой шла молодая казачка, появились три странные фигуры. Безобразные старухи с растрёпанными седыми волосами, издавая пронзительные крики, бесновались на лесной поляне. Заметив незваную гостью, они приблизились к Любаве и окружили ее. Только теперь Любаша увидела, что кожа лесных обитательниц покрыта тиной и мхом.

— Кикиморы! — ахнула Любава. Она взмахнула перед носом кикимор полынью, пытаясь их от себя отогнать. Как по мановению волшебной палочки, ужасные старухи

отдернули от девицы свои костлявые, покрытые болотной ряской руки и с шипением попятились.

— Подите прочь! — осмелевшая Любаша топнула босой ногой, всё ещё размахивая горькой травой перед носом ужасных существ. Разогнав болотную нечисть, девушка опрометью бросилась следом за скрывшимся из виду дубом. Она бежала в полной темноте, ориентируясь по треску, который издавало при ходьбе дерево. Мимо мелькали чёрные тени, которые то и дело пытались задержать Любу и не дать ей двигаться дальше к заветной цели.

— Не пущу! - услышала над своей головой Любава хриловатый, словно каркающий голос. И тут же в небе, пронеслась ведьма верхом на метле. Она кружила над девушкой, но приблизиться и помешать ей идти вперед не могла. Словно невидимая сила оберегала казачку от старой карги. Цепкие пальцы хватали Любашу за волосы, но тут же, словно ошпаренные, отпускали. Ведьма улетела прочь, так и не достигнув желаемого.

Пробежав ещё несколько метров, девушка остановилась. В лунном свете она увидела сидящих на ветвях прекрасных дев с длинными шелковистыми волосами и рыбьими хвостами.

— Остановись, девица! — пропели они тонкими чарующими голосами. — Не иди за дубом!

Любава, словно замороженная, любовалась сказочными существами. "Русалки!" Она не могла поверить своим глазам. Не чувствуя опасности от прекрасных созданий, Люба приблизилась к ним, чтобы получше рассмотреть. Но как только казачка подошла ближе, русалки переменялись в лице. Длинные волосы встали дыбом, рты оскалились, обнажив острые клыки. Красивые девы в одно мгновение превратились в безобразных чудищ с налитыми кровью глазами. Они тянули когтистые, покрытые чешуей руки, к девице, пытаясь её схватить, но и тут на помощь пришла полынь. Запах горькой травы заставлял русалок кривиться, словно от боли, мешая им впустить когти в свою жертву.

— Пойдите прочь! — Любаша сжала крепче в руке волшебный пучок, прижав его к груди. Безобразные существа заизвивались, взвыли и испарились прямо на глазах, словно и не было их вовсе. Любава быстро огляделась по сторонам и бросилась вдогонку удалявшемуся от неё старому дубу. Не успела она подбежать к столетнему гиганту, как тот замер, врос корнями в землю, будто всегда тут и стоял. Люба, затаив дыхание, всматривалась в тёмную траву, ища глазами то, за чем пришла. Как вдруг прямо возле дуба вспыхнул яркий огонёк. Он стал разрастаться, становясь все ярче и больше. Прямо перед казачкой происходило чудо. Из маленького красного огонька, раскрыв большие лепестки, появился дивный цветок. Любаша бросилась к распустившемуся цветку и в одно мгновение сорвала тонкий стебель.

— Хочу, чтобы мой сон стал явью! — закрыв глаза, прокричала девка. Вокруг всё зашумело, завертелось и померкло во мраке.

— Девица, что с вами? — услышала сквозь сон взволнованный мужской голос Любава. Она открыла глаза. Возле неё, на коленях, стоял прекрасный юноша, нежно держа её за руку. Солнышко ярко светило на летнем небосклоне, согревая всё своим теплом. Люба взглянула в полные заботы голубые глаза и ахнула: "А ведь это он! Тот, кого я видела во сне!"

Анна Дорохина (1999, с. Петрокаменское, Свердловская область)

Это важнее, чем все твои платъица, Полли.

Тебе семнадцать: у тебя крылья и воля!

О чем ты сегодня рыдала в своей постели?

Что недо-друзья твои стайками улетели?

Ты так добра и лучиста, как нежный май.
Оставайся такой же чистой и вот что знай:
Эта взрослость к лицу одному лишь Богу,
Потому что он прокладывает дорогу:

Руками и мыслями нашими строит нам путь
И даёт нам шанс оставить или вернуть.
Понимаешь, к чему я, малышка Полли?
Освети этот путь радостью и любовью,

Сохрани лучик солнца в широком сердце,
И запомни, что родом мы все из детства.
Оттуда, где бабушки кормят вареньем,
Где не весят ни грамма ни деньги, ни время,

Где всегда подорожник поможет от ссадин,
А слаще окажутся яблоки краденые.
Полли, расти ребенком... Вот мой совет:
Сохрани в себе детство на много десятков лет.

На листе бумаги нарисую праздник,
Нарисую сказку под названием Жизнь.
Буду очень ярко толстой кистью красить,
Чтобы получился светло-теплый лист.

Высушу на солнце волшебство немое
И сложу руками славный самолет.
Пусть летит к печальным чудо неземное
И улыбку счастья каждому несет.

Пусть он остается на ладошках грусти
В облике мальчишки с моего двора.
Просветлеет небо, сам его отпустит
И подарит миру капельку добра.

На холсте бумаги я рисую счастье,
Потому что знаю - не удержит речь.
Пятна потемнее оттирает ластик,
А душевный праздник будет лист беречь.

Солнышко светит ласково

Солнышко светит ласково, тает пломбир беспомощный.
Мир подарил мне краски, денег людских не стоящие.
Птицы поют счастливые, полные яркой радости.
Солнечные приливы мне прибавляют сладости.

Все из себя конфетные, девочки в сарафанчиках.
Мысли в головушках светлые, вместо тяжелых гаечек,
Что составляют систему дел и забот безвылазных.
Сегодня мы будем с теми, с кем радость у нас получилась.

Я воздух вдыхаю сказочный, мне небосвод улыбается.
На сердце тепло и красочно, вокруг чудеса случаются.
Чудно так пахнет черемуха, яблони с цветом розовым.
Не замечаются промахи и лица чужие грозные.

Добро на лучистых улицах чаще теперь случается,
Люди, почти не сутулятся и, как зверьки, не скалятся.
Забыты обиды глупые, отпущен кому-то грех.
Я хочу слышать искренний, чистый, веселый смех!

Николай Карачев (1939, г. Серов, Свердловская область)

Живёт на Руси старорусское слово
В российской глубинке; в таёжной глуши
Живёт старорусское слово,
Где старые люди в порыве души
На всё друг для друга готовы.

Слова-то какие! Язык почесать,
ПоИсь, покалякать, позырить.
Как курица лапой, чего-то писать,
До ветру сходить, что-то стырить.

Кому-то по кумполу врезать разок,
Пустить шептуна, мОзги парить.
На рот болтунишке накинуть платок
И мордою в грязь не ударить...

Живёт на Руси всем реформам назло
Народных словечек соцветье.
Язык без костей. Язык – помело,
Болтает в любом лихолетье.

Татьяна Катюргина (1990, г. Серов, Свердловская область)

Сохрани

Сохрани мою руку в своей,
Я тобой не могу надышаться!
И с тобою мне снова семнадцать...
Сохрани. Обними. Отогрей.
Сохрани томный трепет в груди
И мгновения сладостной неги.
Я не знала, что так в человеке
Можно счастье своё обрести.
Рука об руку все эти дни,
Наш очаг никогда не остынет!
И я вижу, как светится в сыне
Отражение нашей любви.

Сергей Кинякин (1980, г. Снежинск, Челябинская область)

Михаил

Наш детский дом был деревянным, одноэтажным и покосившимся. Доски его уже давно потемнели, одно окно было выбито, крыльцо скрипело на все лады. Возле дома стояли качели, поросшие травой, и толстая сосна, истыканная кухонным ножом. Дом стоял на отшибе села, а сразу за ним желтело поле, за полем синела река, а за рекою леса, леса, леса и бесконечное небо. Сколько раз я пересекал это поле, переходил в самом узком месте реку и бродил по лесам. Я не собирал ни грибов, ни ягод, а просто гулял, представляя, что я великий воин, шагающий по дремучему лесу в поисках великанов и разбойников. Мой меч, сделанный из еловой ветки, разил воображаемых чудовищ, а богатырский лук стрелял в лесных драконов. Еще в моем боевом арсенале была волшебная рогатка, которую я прятал от воспитателя под подушкой.

В нашем детском доме жило всего десять детей, одна воспитательница и повариха тетя Паша. Иногда появлялся плотник дядя Гоша. Он приезжал на велосипеде всегда выпивший и хмурый. Василиса Петровна, наша воспитательница, жаловалась ему на гнилые доски, на покосившееся крыльцо, в общем, на все, что нужно было если не переделать, то хотя бы починить. Дядя Гоша внимательно слушал, кивал головой, потом говорил: "Все сделаем, Вася, все сделаем", - и уезжал. Хотя один раз, год назад, он все-таки поменял одну ступеньку на крыльце и всем об этом рассказывал, а в конце дня выпросил у тети Паши бутылку самогонки.

Мне было двенадцать лет, так же, как Петьке, Ваське и Димке. Еще четверым было по девять, единственной девочке Любе восемь, и самому младшему, Володе, было всего пять лет.

- Сережа, давай на урок, - крикнула Василиса Петровна, выглянув из окна. Я спрыгнул с качелей и забежал в дом. В классе я сел за первую парту. С девяти лет у меня стало падать зрение, и с дальних парт я уже не мог разобрать то, что писали на доске. Рядом со мной - Димка. Его отца посадили за то, что он вынес с колхозного поля горсть зерна в кармане, а о его матери никто ничего не знал. Со второй парты периодически тыкал мне в спину карандашом Лешка – мой брат. Про наших родителей мы тоже знали немного. Известно было, что отец наш – погибший летчик, а маму звали Катя. Так нам сказала Василиса Петровна. Еще она сказала, что мы с Лешкой братья, но это мы и так понимали.

То, что Лешка – мой брат, я чувствовал с раннего детства. Мне всегда хотелось его уберечь. От любой опасности. Как-то к Лешке прицепилась соседская собака: она бегала вокруг него, скалилась и захлебывалась победоносным лаем. Она чувствовала, что маленький Лешка испугался, хотя виду и не подавал. Когда я это увидел, меня охватила ярость. Я даже сам не ожидал, что могу так разозлиться. Я схватил палку и побежал за собакой. Хоть я и сам был не велик ростом, но наглая псина поняла, что ее это не спасет. Она помчалась прочь. Но я не успокоился и гнал ее до самого села, где она забежала за хозяйские ворота и, осмелев, громко залаяла. Из калитки вышел мужик лет сорока, увидел меня, сплюнул и грубо спросил: "Чего надо?". Я посмотрел на него исподлобья, и тоже неумело сплюнул в грязь, стараясь показать, что я его совсем не боюсь. - Ничего, - ответил я, бросил палку и пошел обратно.

Хотя бывало, что, оберегая Лешку от всего на свете, я не мог уберечь его от себя. То он лез за мной на дерево и падал, то захлебывался водой в быстрой реке, пытаюсь догнать меня, а бывало, я и сам его поколачивал, когда мы ссорились. Никогда не забуду один случай. Когда брат без спроса взял мою рогатку из-под подушки, я на него разозлился, отобрал волшебное оружие и шлепнул по пятой точке, да так звонко получилось, что я не выдержал и засмеялся. Лешка обиделся и побежал на меня с кулаками. Я увернулся и поставил ему подножку. Он упал на землю и заревел. Потом

встал и убежал в дом. Я сел на качели и стал качаться. Мне было неприятно, что Лешка заплакал, но по-другому поступить я не мог.

И тут около нашего дома появился сельский мальчишка. Он подошел к нашему забору и стал рвать яблоки с единственной маленькой яблони, которую мы все дружно оберегали и поливали в жаркую погоду.

- Эй, ты, - крикнул я, - иди отсюда! Настроение у меня было паршивым, и я не скупился на слова. Мальчишка сорвал яблоко и бросил в меня. Я вскочил с качелей и побежал за ним. А он и не собирался убежать. Мы сцепились, как две кошки, и покатались по траве. Мальчишка был старше и больше меня. Он сел мне на грудь и давай лупить меня по мордасам. Как я ни брыкался, а выползти из-под него не мог. Мое лицо покрывалось ссадинами, а сил становилось все меньше и меньше. И тут, гляжу, выбегает из дома Лешка, еще ревет от нашей с ним ссоры, хватает сельского мальчишку за волосы и стаскивает с меня. Ох, мы тогда с Лешкой вдвоем отделали этого воришку. Потом еще сами же рвали яблоки с нашей яблони и бросали ему вслед. А он драпал со всей мочи в село, выкрикивая ругательства в наш адрес. Как выяснилось, Лешка увидел в окно, как я дерусь, а точнее, как я беспомощно дергаюсь и получаю по лицу, и выбежал на помощь. Выскочил, ни секунды не задумываясь, хотя только что был отделан мною. Вот что значит родная кровь.

После уроков мы бежали на обед. Нас ждала каша и капуста, впрочем, как и на завтрак, и на ужин. А с обеда мы бежали на улицу. В это время над нашим домом пролетал небольшой, но очень красивый самолет. Он летел в лучах солнца и казался нам чем-то волшебным. Мы все мечтали хотя бы раз в жизни полетать вот на таком. Мы забегали на небольшой пригорок около дома, кричали и махали руками. И я помню, как однажды, специально для нас, самолет сделал круг почета над нашим домом и полетел дальше. Мы провожали его глазами до тех пор, пока он не превращался в точку и журчание его мотора не смолкало совсем.

- Когда я вырасту, я буду летчиком, - так говорили все, кроме Любы и пятилетнего Володи.

Любу и Володю мы оберегали. Друг с другом мы часто ссорились и дрались, а вот их никто не трогал. Любу - потому, что она была единственной девочкой, и мы все были в нее влюблены, а Володю - потому, что он был просто еще очень маленьким. Он был для нас не просто самым младшим, он был таким тихим и беззащитным, что обидеть его было бы уж совсем ужасным поступком. Мы его так оберегали, что порою он мне казался каким-то божеством, живущим среди нас. Вот так мы и жили.

А летом 41-го началась война. Весть о войне потрясла весь мир, и нас тоже. Все очень испугались, но только не мы. Мы были готовы идти на фронт и сражаться с фашистскими захватчиками. Но на фронт брали с 18-ти, а самому старшему из нас было двенадцать. Но мы все равно рвались в бой. Мы вырезали из дерева автоматы и пистолеты и бегали с ними вокруг дома, готовые защищать его не на жизнь, а на смерть. О ходе войны нам рассказывала Василиса Петровна, а она узнавала все из газет. Мы слушали ее заворожено, никто не баловался и не шептался. Однажды вечером Василиса собрала нас всех в классе и сообщила, что скоро нас будут эвакуировать, так как к городу подходят немецкие войска.

- А когда, когда? – возбужденно спрашивали мы.

- Не знаю ребята, скоро, - отвечала Василиса Петровна.

- А на чем нас повезут? – спросил Димка.

- На самолете, - ответила Василиса Петровна, и мы все замерли. А через секунду, как по команде взорвались громогласным ура. Каждое утро мы подолгу смотрели в окно и вслушивались.

- Василиса Петровна, а мы сегодня полетим? – приставали мы к воспитателю.

- Не знаю ребята, может быть, – отвечала она.

И вот этот день наступил. В девять часов утра нас накормили и вывели на улицу. Потом построили в колонну по два, и мы пошли. Через пять минут вся наша колонна развалилась, потому что, не выдержав, мы побежали вперед. Среди золотистого поля со скошенной травой стоял самолет. Тот самый, что так часто летал над нами. Из него нам навстречу вышел летчик. Он был невысоким, нос картошкой, голубые глаза. Но его летный костюм..... В нем он казался великаном. Мы остановились перед летчиком, как вкопанные, и он улыбнулся. Его улыбка, такая простая, такая добрая... Я даже не думал, что военный летчик может так улыбаться. Мне казалось, что он должен быть суровым, готовым сражаться и уничтожать фашистских гадов. Подошла воспитательница и тетя Паша.

- Кто вам разрешил бежать? А? – ругалась Василиса Петровна. Но мы не обращали на нее внимания.

- Ну, что ребята, - произнес летчик, и вновь я разочаровался. Его голос был таким обычным. Разве такой голос может быть у пилота? Он должен быть громким и устрашающим, думал я, а тут?

- Залезайте внутрь, - летчик открыл дверь, и мы по одному стали заходить в самолет. Внутри стояли скамейки.

- И все? – подумал я. – А где же снаряды, бомбы, ракеты? Где это все?

- Ну, что все на борту? – спросил летчик.

- Все, - ответила Василиса Петровна.

- Ну, тогда, от винта, - произнес летчик, и самолет тронулся с места. Мы затаили дыхание. Самолет некоторое время ехал по полю, разгоняясь все быстрее и быстрее, и вот.... Он оторвался от земли, и мне показалось, что внутри меня тоже что-то оторвалось, наверное, это была душа. Самолет поднимался все выше и выше, и мы вместе с ним. Сначала под нами было поле, потом оно сменилось рекой, и вскоре ковер зеленого леса укрыл землю. Это было неописуемо красиво и необыкновенно.

- Василиса Петровна, - закричал Петька, - а нам долго лететь?

- Нет, - ответила воспитательница, - полчаса не больше.

- А где мы будем жить? – не унимался Петька,

- В доме, - ответила Василиса Петровна.

- А в каком?

Василиса Петровна вздохнула.

- Не знаю, ребята, не знаю, но в каком-нибудь будем обязательно.

И после этих слов раздался громкий хлопок, и нас качнуло вправо. Я слетел со скамейки и покатился по полу, за мной полетели еще несколько ребят.

- Держитесь! - закричал летчик. Я прижался к полу, уцепился руками за ножки скамейки и зажмурился. Помню, что нас трясло и кидало в разные стороны, пока мы не приземлились. Я открыл глаза. Василиса Петровна в панике щупала нас руками, пытаясь определить, все ли живы. Дым постепенно заполнял тамбур самолета. Вдруг открылась дверь, и мы увидели пилота.

- Сюда, - закричал он, - ко мне! – Он стал хватать нас по одному и выносить из горящего самолета. Его сильные руки подхватили меня и бросили на траву. В хвосте самолета остались Люба и Володя. Их откинуло туда во время полета, и они прижались к полу.

- Люба, - кричала Василиса Петровна, - где Люба?

Пилот забрался в самолет. Я видел, что он уже еле стоит на ногах, он был ранен, руки его обгорели, ноги были в огне. Через некоторое время он вынес Любу и Володю.

- Бегите, - крикнул он из последних сил и упал. Люба с Володей подбежали к нам. Мы столпились метрах в десяти от самолета. Рядом с нами стояли Василиса Петровна и тетя Паша. Мы смотрели на пилота. У него горели ноги и спина. Мы смотрели и рыдали.

Василиса Петровна подбежала к нему, потом повернулась к нам. В ее глазах был ужас. Мы зарыдали еще громче.

Я плохо помню, что было дальше, все происходило, как в тумане. Помню только, что приехала машина, нас погрузили в кузов и отвезли в новый дом. Пилот погиб. Его похоронили на городском кладбище, и мы каждую неделю ходили к нему на могилу. Звали его Михаил Пушкарев. Он был ленинградским парнем. Дома его ждали мать и сестра. Они пережили блокаду и остались живы, а вот Миша погиб, спасая нас.

Новый наш дом был лучше старого, он был кирпичным, более теплым, с просторным классом и новыми стульями. Я прожил там до восемнадцати лет, потом сходил в армию. В летчики меня не взяли из-за зрения. Зато я был лучшим в строительных войсках. После армии окончил училище и поступил на завод слесарем. Потом женился, и первым у меня родился сын. Я его назвал Михаилом. Никто из ребят, с кем я воспитывался в детдоме, не стал летчиком. Зато я узнал, что все, у кого родились сыновья, назвали их в честь нашего спасителя.

Марина Ларина (1956, г. Краснотурьинск, Свердловская область)

Петух

Иду из садика домой
Одна – шесть лет, большая!
Но у ворот – О, Боже мой! –
Петух с куриной стаей.
Петух воинственный и злой,
Стоит – клюв, гребень, шпоры!
Свирепый глаз следит за мной.
Я – медленно к забору.
Я знаю, там есть тайный лаз,
И - боком, боком, боком.
Петух с меня не сводит глаз.
Вдруг как взлетит с наскоком!
Даю мгновенно задний ход,
Потеряна панама.
Я – без оглядки от ворот,
Петух – за мною.
- Ма-а-а-ма-а!

Полет с крыши

Зима! Снега кругом!
Прыгаем с низкой сарайки.
Людка в азарте: «Давай-ка
Влезем на дом».
Влезли. Сажусь на край.
Прыгать с такой высоты?
Это вам – не сарай!
К тому же внизу – кусты.
Но... птичкой с крыши полёт:
Сестра подтолкнула в спину.
Ломая малину,
Грудью – об лёд.

Искры из глаз – салют.
Тело током пронзило.
Кричу что есть силы:
«Больно! Не прыгай, Люд...»

Арифметика ревности

Без четверти восемь.
Обещал быть в пять.
В окна проказница-осень
Листья швыряет опять.
Ветер метёт дорожки –
Дворнику помощь «за так».
Месяц свои рожки
Выставил, как дурак.
Шторой задёрну окно,
Не на что там смотреть.
Чайник?! Свистит давно –
Выкипел, бедный, на треть.
Десять. Двенадцать. Час.
Мука, какая мука –
Ночь, не смыкая глаз,
Ждать твоего стука!
Или хотя бы звонка:
«Я – на работе. Пока...»
Ну, позвони! Соври!
Без четверти три.
Комната, кухня, кресло...
Пусто. А мыслям тесно –
Злые, с мольбой, без грима...
В подъезде шаги! Мимо.
Снова круги по квартире.
Скоро – четыре.
Пяую жгу свечу.
Клялся: туда – не ногой!
Знаю. И не хочу
Знать
О другой.

Яна Майборода (1998, г. Серов, Свердловская область)

Душа существует

В пустыне бескрайнего, необъятного космоса,
Посреди богом забытой галактики,
Существует планета, ставшая
Обиталищем раньше - людей, позднее - лунатиков.

Здесь каждый бежит от чего-то:
Страхов, желаний, мнения.
И тот, кто познал действительность,
Стремится найти спасение.

Но в мире, полном безмерной жестокости,
Где у людей вместо лиц аватарки,
Каждый грезит богатством и статусом,
Но не прогулкой с любимым в парке.

Мертво всё духовное,
Мир увяз в материальности.
Бесчеловечность и холодность -
Порождения новой реальности.

Чтобы не стать одним из вечных духовных покойников,
Трупом живым или мрачной натурою,
Не следуй за бездуховностью,
Будь в этом мире светлой фигурою.

Сбереги свою душу от зла,
От всего, что вредит или душит:
Упадешь в эту пропасть без дна -
Тебя нескоро ещё обнаружат.

Но ты можешь всё изменить,
Ты сам выбираешь дорогу.
Душа существует, пока
Детский смех возвращает нас к Богу.

Татьяна Перегримова (1956, г. Верхняя Тура, Свердловская область)

Берегите детей!

Не бранитесь при детях, не надо.
Это болью для них отзовется.
Пусть проблема у мамы и папы
Детских душ никогда не коснется!
Улыбнитесь, пусть ссоры не будет.
Добрых слов всем найдёте немало.
Вы для них очень близкие люди,
Вы – родные их папа и мама.
Не бранитесь при детях. Пусть ссоры
Не поранят их чистые души.
Будет счастья, поистине, море,
Если сердцем вы будете слушать.
Берегите детей! Это счастье -
Видеть, как улыбаются дети.
Обойдёт стороною несчастье,
Станьте нужными детям навеки.

Галина Петрова (1968, г. Лесной, Свердловская область)

Ветер из детства

Словно блестящее дно сковородки,
Солнце сияет.
Плывут облака, как по морю селедки,
В небе без края.
Сандали в руках, как обычно, босая,
Бегу без оглядки!
Ладошкой ветер растреплет, играя,
Мне рыжие прядки.
К коленке разбитой приклею листочек,
Закрою им рану.
Вновь в детство вернусь я сегодняшней ночью
И маленькой стану.
Здесь брызгами счастье разбросано всюду,
Искрится в росинках.
Тихонечко бродит обычное чудо
По узким тропинкам.
Как в книге открытой читаю я строчки
И память листаю,
В беспечное лето шажок за шажочком
Во сне убегаю.
На тополь взбираюсь, почти как мальчишка,
Рывок – и я в штабе!
До сумерек снова Крапивина книжку,
Обнявшись, читаем.
Водой не разлей – за друзей голову!
Чтоб в драке не охать:
Друг друга прикроем, к спине встав спиною:
Два Сашки, я, Леха.
На фото стоим, как герои из книжки
С желтой поляны,
Линялые шорты, лохматые стрижки,
Коленки все в ранах.
Здесь нет места взрослым, их мир - черно-белый,
Похожий на тучи.
В нем молнии дел и громом проблемы,
Уныло и скучно.
Они никогда не услышат зов ветра
И скрип Каравеллы,
Они не поймут, что бывают рассветы,
Как алые стрелы....
Мы клятве верны. Хоть виски с сединою,
Мы дружим, как прежде!

И снова во сне я бегу за мечтою,
За ветром надежды!

Душа - трамвай

Моя душа – трамвай продрогший:
Здесь сквозняки, здесь вечно людно.
От лозунгов почти оглохший,
Трамвай в ничто из ниоткуда.

Проезд за всех сполна оплачен:
Днем счастья, старою обидой.
Роптать негоже мне, тем паче:
Тут все посланники планиды.

Они пришли давать уроки,
Пусть я о том и не просила.
Здесь ложь врагов и их упреки,
Друзей прекрасные порывы.

Кому-то ехать очень долго.
На миг зайдя, иные выйдут.
Есть те, кого не жаль нисколько,
К другим же - нежности флюиды.

Моя душа – трамвай и только.
Но в ней, среди сотен пассажиров,
Есть тот, кто дорог мне настолько,
Что выше рангов и ранжиров.

Он тот, кому билет не нужен,
Ему я сердце подарила.
Мне с ним тепло в любую стужу.
Он словно из другого мира.

Для соло не ищу клавиры,
Живу мечтой, душой открытой -
В трамвай входите, пассажиры,
Билетов нет - но будем квиты!

Любовь – не картошка

Эта история произошла несколько лет назад. Тогда скутер ворвался в жизнь молодежи всей страны. Ворвался шумно, весело, ярко. Не остались в стороне и особо продвинутые тинейджеры нашего городка. Прав тогда на этот вид транспорта не требовали, и обладать им мог любой подросток. С малюсенькой поправкой - при наличии финансовых возможностей предков. Так вот, случился у нас скутерный бум. Если ты

владел этой чудо-техникой - ты был почти что Бог или Бог без «почти что». Можно было красиво нарезать круги по кварталу, эффектно подкатывать к дворовым лавочкам, где во все времена днем тусят бабули, вечером - дедули, а ближе к ночи - пацаны. Можно и просто эффектно подкатывать - не секрет, что у девчонок скутеристы пользовались большим успехом.

В один из теплых майских вечеров толпа молодежи, собралась на любимой лавке. Только представьте. Весна, уже всеми фибрами души ощущаются грядущие каникулы. Веет какой-то особой свободой, раскованностью, уровень пофигизма близится к отметке «максимум». Слышатся шутки разных уровней пристойности, веселое ржанье пацанвы, кокетливые смешочки девчонок. Что-то подобное, а может, и круче, творилось тогда у пятого подъезда дома по улице Ильича. Кто-то пил колу, а кто-то пиво... Градус общения повышался, и уровень громкости разговоров тоже.

Наша героиня жила на шестом этаже девятиэтажки. Звали ее Марина Викторовна Зубакина. Кладовщик техизделий головного предприятия городка. Вечно уставшая и постоянно невыспавшаяся, она, поджав губки и сдвинув бровки, проклинала всех скутеристов вообще и этих, на лавке, в частности. Злополучная для нее лавка находилась через подъезд, но слышимость была отменная. Представьте мадам среднего возраста, утомленную жизнью, отмотавшую восемь часов на фабрике, отпахавшую, почти что без натяжек на садовом участке - весна же. Сил нет, спать хочется, все раздражает - прибила бы ...не важно, кого. Но мужа - жалко, собаку - любит, дети - святое....А тут под окном ЭТИ- ну как кстати! И повод есть - орут, тархтят своими мотоцикликами, ржут, как кони...

Марина решительно вышла на балкон, чтобы сделать замечание, приструнить. Но тут ее взгляд упал на картошку - хорошая такая, крупная, только из ямы привезенная. Новый взрыв хохота и фырчание мотора сделали решение бесповоротным. Марина выбрала клубень покрупнее, метнула не целясь, присела - И услышалаНу, а что еще она могла услышать? Снаряд достиг цели. Выждав (вот ведь - женщина снайпер!), она, снова не целясь, отправила картошку в толпу. И снова удача! Потом на четвереньках, чтобы не выдать свои позиции, женщина покинула балкон. Вы можете не верить, но толпа разошлась, вернее, передислоцировалась в другое место! И Марина с чувством выполненного долга быстро и счастливо заснула. Вот что значат ловкость, меткость и картошка на балконе...

Историю можно было бы и закончить...Но финал у этого рассказа другой. Тем же летом дочь нашей героини познакомилась с мальчиком Мишей. Очень хороший такой мальчик из приличной семьи. И скутер у него был клевый. Марина в дела дочери не вмешивалась, но держала в поле своего зрения все - прямо и буквально. Где могла, подсматривала, где могла, подглядывала. Глаз да глаз, одним словом. Жаль, что собиралась дочкина компания в соседнем дворе, потому что здесь весной в Мишку со всей дури кто-то метнул картошку - синяк с неделю не сходил....

Вот говорят: "Любовь - не картошка, не выбросишь в окошко". Точно, не выбросишь, но в качестве стрелы Амура вполне подойдет. Опробовано. Действует. Обращайтесь!

Павел Подзоров (1975, г. Бобруйск, Беларусь)

Счастье – в космосе

Ему было очень тяжело.

Сверху практически монолитная скала. Приходится искать, нащупывать едва заметные трещинки. На попытки расширить их уходят все силы. Да, силёнок бы побольше. Вода есть. Не много, но пока хватит. Потом выпадет роса. Часть, конечно, испарится, но хоть малая доля, но пробьётся, проникнет сквозь толщу грунта и камня.

А вот света нет. А без света – нет силы. Пробиваться. Пробиваться к свету, несмотря ни на что. Свет это – сила. Свет – жизнь!

Уже немного, осталось чуть-чуть. Последние усилия. Он нащупал трещину достаточной толщины и устремился туда. Осталась последняя преграда в виде плотного грунта.

Только бы добраться до поверхности. Свет поможет окрепнуть. Дать новые крепкие корни, из них - новые сильные побеги. Тогда и вода будет проникать беспрепятственно, вдоволь насыщая влагой.

Как удачно! Узкая щель между двух непробиваемых плит. Вот и свет впереди. Свет!

Блеклый слабый Росток устремился туда.

На космодроме было многолюдно. Посреди серой безжизненной равнины стояли провожающие. Звездолёт был готов к взлёту, и стоящий на площадке перед люком экипаж слушал последние напутствия.

Если бы Росток мог понимать человеческую речь, то он бы услышал:

– Братья! Много лет мы жили, не думая о судьбе планеты. Мы черпали её природные ресурсы, не задумываясь о будущем. Но час расплаты наступил. На всей планете не осталось ни одного растения. Ни одного! Как радовались бы мы, увидев самое неказистое деревце. Да что там деревце – листок! Травинку!..

Выступающий помолчал. Смахнув скупую мужскую слезу, он продолжил:

– К сожалению, процесс необратим. Чтобы не погибнуть, мы вынуждены посылать наши корабли к иным звёздам. Одних – в слабой надежде найти новый мир, готовый принять нас. Других – доставить хотя бы какие-то растения, способные выжить и оживить планету.

Удачи вам, братья! Как бы это высокопарно ни звучало, но именно вам искать наше счастье в далёком космосе!..

Космонавты вошли в звездолёт. Люк закрылся.

Ничего этого Росток не знал. Увидев долгожданный свет, он изо всех сил рванулся и ... пробился на поверхность...

Именно в этот момент из дюз звездолёта, располагавшихся прямо над ним, вырвалось всепожирающее пламя...

Ростка не стало...

Люди отправились искать своё счастье в космосе...

Виталий Попов (1949, г. Кушва, Свердловская область)

Тридцать седьмой

Нереальная тишь, нереален рассвет,
Нереальна вселенская глубь,
Нереально взорвал тишину пистолет,
Прожигая свинцом его грудь.

Он упал, он убит, ветер плачет о нём,
Жизнь струится на снег кумачом.
Это было давно, в жутком тридцать седьмом
Был расстрелян мой дед палачом.

Штрихи войны

Винтовка со штыком, патронов горсть,
Крестьянские сыны – страны защита;
Ворвался подло к нам незваный гость –
По полю танки, в небе «Мессершмитты».

Огонь со сталью – грозная волна,
Всю мощь врага граница испытала,
В четыре ночи началась война,
Крестя бойцов оплавленным металлом.

Мы отступали долго на восток,
Неся урон от наглого арийца,
Запоминая каждый городок.
Чтобы однажды с честью возвратиться.

Под артобстрел попали, как всегда,
Не ведая о том и не гадая,
Струилась с неба горькая вода,
С шипением шрапнелью прожигая.

Мальчишка – лейтенант: «Не отступать!»
Наган, граната против вражьих пушек.
Но жег огнём его недетский мат,
В атаку поднимая наши души.

Метались санитары – не успеть;
Рвались снаряды, бил свинец в набаты;
Не донести, не довезти; а смерть
Глумилась на дорогах в медсанбаты.

Фурацилин – лимонно-желтый цвет
На марле с кровью; спекшиеся раны.
На зеркале следов дыханья нет;
Еще один страдалец безымянный.

Еще один, чьи планы не сбылись,

Кого не встретят радостной слезою.
Дошатаый при дороге обелиск,
Пилотка на могилке со звездою.

Дымил от артобстрела перегнутой,
Кружил кровавый пир вороньей стаей;
Мы отступали, чтобы справиться с войной
Девятого числа. Весною. В мае.

Детство

Я помню, как мы, вольные гавроши,
В период ломки детских голосов,
Минувший школьный год оставив в прошлом,
Сбегали в лоно рек, полей, лесов.

Мы рано на рыбалку уходили,
Еще до солнца, по траве сырой,
А в полдень на костре уху варили
И забывали, что пора домой.

В лесу мы знали тайные дорожки
В волшебную страну боровиков.
Грибов там было - полные лукошки,
А ягоды... до черных языков.

Мы жадно пили хвойный воздух лета,
Для нас природа радужно цвела.
Любая ягода для нас была конфетой,
А жвачкою – сосновая смола.

При возвращенье в город, у колодца
Мы собирались шумною ордой,
И, как бальзамом, на заходе солнца
Все причащались ледяной водой.

Давно колодца нет того в помине,
Там вырос новый городской квартал.
Прошли года, но юн душой поныне
И из рогатки я бы пострелял.

Валентина Садовникова (1948, г. Серов, Свердловская область)

Вчера нашел я промокашку:
Сын написал карандашом
О том, что сильно любит Машку –
В другом квартале ее дом.
Корявый почерк, две ошибки,
Но столько нежности, тепла
В короткой маленькой записке,
Которую нашел вчера!

Частенько стал я замечать:
Сынишка начал плохо спать,
Серьезный ходит, брови хмурит...
Уймись, сынок, всё в жизни будет:
Удачи, взлеты и паденья,
Любовь, измена, невезенье.
Вступай смелее в жизнь, не бойся.
Я поддержу! Не беспокойся!

Ольга Соломина (1978, г. Лесной, Свердловская область)

Северовесеннее

Просто май календарный похож на глубокую осень:
В мелких трещинах лед, и совсем ошалели ветра,
А с утра на термометре было опять минус восемь,
И, наверное, будет вот так же и завтра с утра.

Просто хочется чуда, обычного белого чуда,
Что в других городах, "на земле" так легко расцвело,
Ты его привези между книжных страниц мне оттуда,
Я сегодня хочу променять этот май на тепло.

На моем подоконнике роза и лучики света,
Я обычная Герда, вчера я очнулась от сна...
В этом северном мае я в зимнее платье одета,
Но в ладонях моих расцветает живая весна.

Валерия Угрюмова (1980, г. Серов, Свердловская область)

Жизнь моя

День вновь пролетел незаметно вихрем повседневных забот. Вера суежилась на кухне, залитой весенним солнечным светом, поглощенная приготовлением обеда. Сегодня у нее выходной. Она уже успела навести уют в их небольшой квартирке, сбегать по магазинам, купить сыну яблочек. Они лежали в синей вазе на столе и подставляли румяные бочка солнцу. Завтра надо будет устроить стирку. Вера любила хлопотать по дому.

Овощи весело скворчали на сковороде, готовые уже прыгнуть в кастрюлю с ароматным супом. В руках умелой хозяйки все спорилось, плелось чудным узором, разливалось аппетитными запахами.

В шуме кухонного колдовства Вера услышала хлопнувшую дверь. Это Юрка прибежал из школы. Ворвался в кухню свежим ветерком, принес с собой запахи улицы. Схватил яблоко. Заявил, что его ждут на улице и придет он поздно. Убежал, оставив пыльные следы на мытом час назад полу. Вера успела лишь развести руками. Вот так всегда. Неугомонный какой. Вечно все на бегу, даже руки не вымыл.

Юрка у нее красавчик. Беленький, высокий, широкоплечий. Матери помогает. Соседки обзавидовались. Неусидчивый вот только. Вечно пропадает на улице, вместо того, чтобы уроки делать. Но Вера не ругала его. Он ведь один у нее был. Ее цветочек. Ее жизнь.

Вера еще студенткой медицинского училища родила сына. Столько бессонных ночей провела у его кровати. Разрывалась между учебой и ребенком. Потом устроилась работать в местную поликлинику. Брала маленького Юрку с собой на ночное дежурство. Укладывала его спать на кушетку в ординаторской. Во время обходов напряженно прислушивалась, ловя шорохи темных коридоров, боясь услышать плач малыша.

Юрка рос. Болел, ранился, обжигался, разбивал коленки. Вера всегда была рядом с сынишкой. Играла с ним в войнушки, гуляла по вечерам, пела ему колыбельные на ночь, рассказывала занимательные истории про папу – пожарного. Сильного и смелого, красивого и высокого. Про то, как он любил ее, про то, как радовался сыну, про то, как погиб на пожаре, спасая маленькую девочку. Она уже и сама верила в это.

Личную жизнь Вера устроить так и не пыталась. Раньше некогда было – маленький ребенок, учеба, работа, мама в другом городе. А теперь и так привыкла. Юрка был мужчиной в ее жизни, будущей защитой и опорой. В заботах о нем проходили ее дни. Он наполнял ее жизнь осмысленностью. Защитника ведь еще вырастить надо.

Лето подходило к концу. Разноцветье клумб под окном все еще пылало красками, и последние пчелки копошились над бутонами, надеясь продлить теплые дни. Юрка провалил вступительные экзамены. Глупенький. Он еще не понимает, как необходимо образование. Вера мечтала, что Юрка, закончив школу, поступит в техникум, получит образование, устроится на хорошую работу, и они заживут совсем хорошо. А он даже не расстроился. Огорошил «новостью» и побежал купаться. Ну ничего, пусть купается, лето ведь на исходе. А поступить он сможет и в следующем году. Зиму позанимается. Может, Вера придумает что-нибудь, подрабатывать устроится и отправит Юрку учиться в институт, в областной центр. Все ведь к лучшему делается... Убегая купаться, Юрка долго крутился перед зеркалом и даже спросил у матери, как он выглядит. Может, у него и девушка появилась? Вера долго провожала его в окно взглядом, прижимая руку к защемившему сердцу. А ведь сынок уже совсем большой стал.

Вместе с первыми осенними холодами, подморозившими кусты акаций, пришла и повестка в армию. Юрка радовался в порыве бесшабашной юности. Как и большинству мальчишек, ему хотелось подержать в руках настоящее оружие, пострелять, покататься на танке или вертолете. А после гордо носить форму, заставляющую оборачиваться девчонок. А, если повезет, может, и блестящую позвякивающую медаль на груди.

Только вот Вера совсем не радовалась. Она ведь последние годы надеялась, что сын не пойдет в армию, что он будет еще долго учиться в техникуме или институте, а потом женится на хорошей девушке. Все это совсем выбило ее из колеи. Она даже успевала всплакнуть, пока Юрка не видел. Как же отпускать сыночка так далеко, так надолго? Как же он без нее? Как же она без него? А Юрка смеялся. Успокаивал мать, обещая, что скоро вернется. Рассказывал ей, сидя на кухне, что его там многому научат, тому, чему могут научить только мужчины, что хрупкой женщине этого не понять.

Суета и хлопоты сборов делали дни еще короче. День отправки приближался, стремительно накатывая неотвратимой волной. Соседки заглядывали по несколько раз в день, предлагая помочь: может, приготовить чего, может, продуктов подкинуть, может, денег надо? Все-таки Верка единственного сына провожает.

Дни проходили в ожидании, и от этого длинные зимние вечера казались еще длиннее. Эта зима принесла Вере много переживаний и слез, пролитых в подушку. Как раз перед Новым годом началась война. Вера боялась. Телевизор показывал на

мерцающем экране жуткие картины трассирующих путь, пересекающихся в ночной темноте, огненных всполохов разрушительной силы и чумазных мальчишек с ошалевшими от страха глазами. Юрка писал не часто. Поначалу Вера получала восторженные письма сына. Как присягу принимал, как автоматы выдали, как на полигон впервые ездил. А последнее время коротенькие письма скупно рассказывали матери о том, что все хорошо, что сапоги новые дали, что зуб сломал, упав с турника, что скоро, может, на побывку отпустят за хорошую службу.

Вера ждала. Холодными вечерами, укутавшись в плед и забравшись на Юркину кровать, она мечтала. Мечтала о том, как Юрка придет из армии, поступит в техникум, приведет в дом невесту. Соседки интересовались, увидев, как Вера достает очередное письмо из почтового ящика, не отправили ли Юрку на войну. Об этом Юрка ничего не писал. И Вера надеялась на лучшее. Хоть и боялась, но ждала и верила. Судьба не может быть так жестока с ней. Ей и так в жизни досталось.

Как раз к 8 марта пришла похоронка.

Вера ушла в себя. Материнское сердце никак не хотело понять, что сына больше нет. Что вот так, как-то неожиданно, его просто не стало. Она не хотела верить в это. Почему? Почему он не писал о том, что его отправляют на войну? Почему они убили его? Его, еще вчерашнего школьника. За что? Это же ЕЁ СЫН, ЕЁ ЖИЗНЬ!

Нет больше сына. Кровиночки. Отрады. Нет жизни... Не будет Юрка учиться в техникуме. Не будет невестки, не будут раздаваться в этой квартире детские голоса, не будут маленькие ножки шлепать по коридору. Одна она осталась, совсем одна...

Когда привезли цинковый гроб и поставили его посреди комнаты, Вера целые сутки не отходила от сына. Разглаживала складочки на его форме, поправляла ему подушку под головой, гладила его холодные пальцы, целовала бледные щеки, разговаривала с безмолвной тишиной и плакала, плакала, плакала....

С организацией похорон, как всегда, помогали вездесущие соседки. А Вере было уже все равно... Она молча смотрела на черную зияющую яму в промерзшей за зиму земле и представляла, как падает, падает, падает в нее.

С той поры уже прошло несколько лет.

Вера постарела. Горе состарило эту красивую женщину раньше времени. Измученная внутри, она уже не интересовалась тем, что происходит снаружи. Она, как и прежде, работала в поликлинике. Вот только на работе стала задерживаться дольше и чаще других брала ночные дежурства. Она больше не могла выдерживать тоскливое одиночество пустой квартиры. А возле ее кушетки в ординаторской навсегда поселилась фотография белокурого Юрки, озаренная задорной улыбкой. Он так и остался школьником. Навсегда. Как и сотни других вчерашних школьников, убитых там, на этой безумной войне...

Как-то раз в поликлинике повесили объявление правительства о соборе пожертвований на строительство какой-то больницы для ветеранов этой войны. Вера остановилась возле него, и на мгновение внутри нее что-то всколыхнулось яростной болью. Зачем? Это ведь ОНИ забрали у нее сына. ОНИ забрали тысячи других мальчишек у тысяч других матерей. ОНИ убили их, искалечили. Тысячи девчонок остались без женихов. ОНИ начали войну. Им не нужна была помощь в этом. Почему же теперь ОНИ просят помощи? И у кого? У этих же матерей и девчонок?.. Но это было лишь на мгновение. Короткий миг смеси ощущений того горького 8 марта, долгих лет изматывающей тоски и все еще острой боли в сердце... Вера равнодушно пожала плечами и пошла дальше. Пусть... Ей теперь было все равно...

Ольга Фатеева (1955, г. Уяр, Красноярский край)

Я приезжаю каждый год,
иду, спешу, мой путь печален.
Туда, где сосен хоровод
покой кладбищенский качает.
Держусь я из последних сил,
но слезы катятся невольно.
Среди крестов, среди могил
глаза родные видеть больно.
Цветы, склонившись, положу,
и их осветит солнца лучик.
Я вам о жизни расскажу –
своей и ваших взрослых внушек.
Я не могла ничем помочь:
итог предписан жизни каждой,
единственная ваша дочь,
любовь и боль всей жизни вашей.
Иду обратно, не спеша,
стараясь усмирить волнение,
пусть очищается душа
от слов любви, от слов прощенья.
И я, прогнав печаль с лица,
смотрю на мир светло и прямо
глазами серыми отца
и с искренней улыбкой мамы.

Людмила Цедилкина (1955, г. Кушва, Свердловская область)

Помнишь, плакала в детстве легко
и не зная, что хочешь ты ласки.
Помнишь сливочный мед – молоко,
золотые обертки из сказки,

и прохладный чулан, и чердак –
путешествие в мир отстраненный.
И казалось - растешь просто так,
тополек у дороги зеленый.

А потом ты поймешь: не воздать
тем, кто дал тебе эту свободу,
эти звуки – «гора Благодать»,
эту темную-темную воду...

Эту Деве хвалебную песнь
перед старой, на кухне, иконой.
Это мир никогда не прочесть,
несказанный, короткий, бездонный.

Только мне без него – никуда.
Он внутри, он растет и питает.
Ледяная родная звезда
никогда не растает.

Дети, Родина есть. Там живут кузнецы и герои,
и монахи красивые с ясным и тонким лицом.
Умереть за нее - это честь. Только... знаете, вдвое
тяжелей с нею жить. Но каким бы тяжелым венцом

ни увенчан ты был, она даст тебе силы
претерпеть, понимать, не отчаяться и – создавать,
и любить ее землю, ее небеса и могилы,
и когда-нибудь новым родившимся детям сказать:

Дети, Родина есть!...

Скоро изгладится рябь золотая,
жемчуг бесценный откроет вода.
Все, что увижу там, что прочитаю,
где-то душа сохранит навсегда...

Если строке суждено с ней ужиться,
будет красив этот строгий союз.
Только пусть длится, пусть трепетно длится
то, что касаньем разрушить боюсь.